

Литературные традиции цирковой семьи
● Магазин и реклама

МОЙ ДОМ НА КОЛЕСАХ

Наталья Юрьевна Дурова — представительница известной цирковой династии дрессировщиков Дуровых. С детских лет она выступала на цирковой арене, работала в Уголке Дурова. Недавно Наталье Юрьевне присвоено почетное звание заслуженной артистки РСФСР.

Очень рано обнаружился у Н. Дуровой и другой талант — писательский. В 16 лет она поступила в Литературный институт имени М. Горького, который успешно закончила. На ее творческом счету — 11 книг для детей: «Арена», «Ваш номер», «Котыка» и другие.

Сейчас писательница работает над новой книгой, которая принята в издательстве «Советская Россия». Книга называется «Мой дом на колесах». Ее «герои» — четвероногие цирковые «артисты»: морской лев Лель, шимпанзе Пупа и многие другие.

Сегодня мы публикуем главу из новой книги заслуженной артистки РСФСР, члена Союза писателей СССР Натальи Дуровой.

Мой дом на колесах. Совсем не потому, что, мешая течению улицы, он должен быть передвинут. Нет-нет, колеса, четыре больших колеса — его фундамент. А улица у него зеленая — это значит прямой путь без задержки по всем дорогам нашей Родины.

Мой дом — большой товарный вагон, и живут в нем живые чудеса, он часто меняет свой номер и адрес, и только фамилия всегда четко написана мелом по вагонным доскам: «Советский цирк», а ниже добавление: «Осторожно, живность».

Я несколько не обижаюсь, что так выглядит моя прописка, ведь здесь все свое, особенное, не такое, как обычно в любом доме, в любом дворе. Вместо сторожа — башмачник и стрелочник, которые охраняют наш покой. Башмачник подкладывает под колеса железный башмачок, чтобы не было сильного толчка, а стрелочник следит за правилами движения. Вместо домоуправа — диспетчер, и часто откуда-то издали по микрофону я слышу: «Вагон такой-то, цирк, готов к подаче, отправляю!», вслед за этим обязательно то-

у-ук! — слышу я, понимая в переводе на человеческий язык: «Зябну!»

Моментально растапливаю печурку. Тогда с другого конца раздается глубокий длинный вздох, похожий на гулкий порыв ветра в пургу, — это Василиса возмущается, ей жарко, тяжело дышать моржу, и мне срочно приходится заново перестраивать теремок, словно

Наталья ДУРОВА

то постучит в вагонную дверь и скажет:

— Эй, звери, слышите, отправляем!

— Слышу, — улыбаюсь я, отвечая за обитателей своего дома.

Паровозный гудок, равномерная цепочка толчков от вагона к вагону, и мы в пути. Днем от быстрого движения поезда мне кажется, что мой дом играет с солнцем в прятки. Под вечер, когда солнце уже устало, запутавшись в телеграфных проводах, словно отстает от нас, в синеве за поворотом появляется луна. Она тоже бывает разная: то острый тоненький серпик, то яркий, пристальный глаз морского льва, не мигая, глядящий в оконца нашего дома на колесах. И то ли потому, что луна похожа на глаз Леля, так зовут моего морского друга, то ли потому, что на луне давно обнаружены лунные цирки, я всегда к этой планете отношусь с нежностью. Да и то, что я хочу вам рассказать о жизни своего забавного дома, может быть, внесет что-то новое в представление о цирке, таком ярком, праздничном, каким вы его привыкли видеть всегда, как я луну. Однако невидимая сторона жизни луны пока доступна лишь самым удивительным на свете людям — космонавтам и точным приборам.

Итак, мой рассказ о невидимой жизни дома на колесах, товарного вагона с фамилией «Советский цирк», который доступен и понятен мне, ведь я здесь родилась.

Все, как в сказке, — терем-теремок. Кто живет в моем доме? Африка и Север, юг Калифорнии и Сибирь.

Африка — это обезьянка-шимпанзе Пупа, Север — громадный морж Василиса, юг Калифорнии — трио морских львов, Сибирь — лисичка Дымка и много разных зверушек, птии, чьи биографии здесь начинаются с географии. Ну, естественно, такой дом-общество — самое трудное, многоголосое, почти невозможное для жизни вместе в теремке.

Тепла желает Пупа, кутаясь в шерстяной плед и обиженно вытягивая трубочкой губы: У-у!

я из детских кубиков строю на ходу поезда новый дом.

Клетка — влево, клетка — вправо: для одних тепло — радость, для других — бедствие. Иной раз я призываю себе в помощь ветер и солнце. Подул ветерок, разогнал облачко дыма от печки и заставил трепетать ноздри у всех моих домочадцев. Раздаются шипение, вздохи и чих, но все довольны обдавшей их свежестью воздуха. Солнце в пути становится для нас доктором Айболитом. Кто испугался толчка вагонов или скрежета колес на рельсах, кто занемог от качки в пути, тот тянется к солнечному лучу, забывая все неприятности переезда, а мне, словно при прожекторе, становится заметно то, чего я не вижу при несмелом колеблющемся пламени свечки.

Правда, ночью, когда мимо оконца пролетают десятки чихот станционных огоньков или сотни городских, напоминающих елочные гирлянды лампочек, а в моих клетках загораются свои огоньки, и в иных лишь по шороху я чувствую обитателя, я не сразу зажигаю свечку. Так мне вдруг начинает казаться, что я попала сразу и в лес, и в поле, и еще далеко-далеко, где нет берегов, только вода, только светящиеся фосфорическим нежно-зеленым светом точки глаз морских животных, то есть я, конечно, попала в огромный океан. Это он прячет свои тайны и в ракушках, и в рыбешках, и в морских звездах, ежах и, конечно, в тех львах и моржах, что со мной в пути.

Свет свечи в фонаре чуть гасит настороженную яркость глаз моих питомцев и возвращает меня к действительности. Я дрессировщик. Везу животных на гастроли, ведь они артисты, те самые ожившие игрушки — обезьянка, собачка, лисичка, ворона, голубь, морж, лев, — которым вы аплодируете в цирке. Они желанные, добрые спутники радости и детства. Я думаю об этом, решая вам рассказать по порядку историю каждого из них. Кто знает, быть может, это, кроме ваших улыбок и хлопков, принесет им еще ваше уважение и чуткость, и тогда, я верю в это, вы полюбите лес и море, поле и горы настолько, насколько дороги они и мне.

Н. Дурова и «артист» Лель.

Фото В. Шагова.